

Фонарик

Татьяна объективно считала себя женщиной не последней. В семье без неё сроду ничего не решалось, на работе всегда уважали, считались — как никак четверть века заводделом. Да и теперь, на пенсии, поздравляли со всеми праздниками, даже раз помогли с путёвкой в санаторий. Впрочем, на здоровье она особо не жаловалась, а по виду её и пенсионеркой никто бы не назвал: осанка прямая, походка энергичная, взгляд ясный — это в шестьдесят-то лет! И, кстати, без дела она не сидела — подрабатывала в котельной.

К тому же вещи покупать всегда старалась качественные, за весом следила, избегала жареного и копчёного, была в курсе новостей медицины. И мужу распускаться не позволяла: никаких там компаний с пивком после работы, никаких сомнительных рыбалок по выходным — режим и здоровый образ жизни!

Немного бесило, конечно, что сын с дочкой её интересов не разделяли, вечно посмеивались над здоровыми советами. Ну да что с них возьмёшь — молодые, море по колено! И её ведь когда-то смешили мамочкины страхи...

Вот эта мысль, признаться, всерьёз раздражала. Неужто пришло и её время докучать молодым? Стареть?!

Ну уж нет, стареть никак не хотелось! А хотелось, как пишут в открытках, долгих лет счастливой жизни.

Только вот последнее время с этим были какие-то проблемы. То есть жизнь-то была, но такая... монотонная, что ли. Ну, переделаешь домашние дела, выйдешь на полезный моцион. Посмотришь вокруг — всё знакомо до тошноты: старые дома, редкие косенские скамейки у подъездов да старухи-сплетницы. Ну, ещё молодёжь в наушниках, с непременным телефоном в руках. Вонючие мусорные баки. Мокрое бельё на балконах.

Может, и раньше всё было так же, только в глаза не бросалось? Смотреть-то по сторонам некогда было, вечно в делах, в хлопотах. Однако случались же и радости, и подарки судьбы: поездки на море, и премии, и компании друзей, и всякие там огоньки-праздники!

А теперь? Вместо весёлой компании — сборище ворчливых стариков и старух, все речи о болячках.

Радость — это когда давление нормальное. Главный праздник — день пенсии.

Нет, понятное дело, здоровье прежде всего. И материальный интерес тоже никто не отменял. Но ведь и чего-то новенького хочется! Хоть изредка, но какого-нибудь сюрприза, что ли, от судьбы!

Недавно, правда, такой сюрприз выпал, что Татьяна чуть сердечный приступ не огребла: идёт себе не спеша с работы, заодно тренируя правильное дыхание (энергичный вдох, длинный выдох), и вдруг какой-то мальчишка шаст из кустов прямо на дорогу — едва под машину не угодил! Хорошо, водитель среагировал, успел притормозить — только шины завизжали. Высунулся из окна и, прежде чем дать по газам, рявкнул на Татьяну:

— За внуком смотри, бабка! Раззявила рот!

Та только схватилась за сердце дрожащей рукой. А мальчишка с рёвом отпрыгнул ей под ноги. Кое-как перевела дух, всмотрелась: не то чтобы совсем малец, лет шести, не меньше. Неопрятный, руки-ноги в пыли.

— Ты что творишь?! Ненормальный — на дорогу выскакивать?! — накинулась на него. — Тебя ж раздавить могли, как комара!

Но тот её, похоже, не слышал. Продолжал реветь, вытирая глаза грязным кулаком.

— Да не трогай лицо! Пойди умойся сейчас же, на тебя смотреть страшно! И во дворе играй, в своём дворе, понятно тебе? К дороге не смей подходить!

Молчит, хлопает носом. Она выпрямилась, стараясь дышать поглубже, как учили в передаче про стрессы. Ноги неприятно подрагивали.

— Ты где живёшь вообще? Тебя, может, домой отвести?

Машинально наклонилась отряхнуть ему джинсы, но мальчишка увернулся, всё продолжая всхлипывать. Наконец выдавил:

— Фона... фонарик... потерялся! Я тут везде искал, и на дороге... нигде нету!

И зарыдал с новой силой.

Татьяна, уже придя в себя, ещё раз осмотрела страдальца.

— Фонарик? Тыфу ты... Ну ладно, успокойся уже! Попросишь хорошенько, мама тебе новый купит, точно такой.

Вытащила носовой платок и быстренько стёрла грязное пятно на щеке.

Это ребёнок послушно вытерпел и, тараща красные глаза, выдохнул обессиленно:

— Такой нельзя купить... он волшебный потому что.

— А-а, вот оно что... — посочувствовала она. — Ну, раз волшебный, может, сам тебя найдёт. Только, главное, на дорогу не выскакивай! — напоследок погрозила пальцем и двинулась своей дорогой.

Хорошо, что детские трагедии недолги, раскудила успокоительно. Сейчас рыдает безутешно, но вот интересно: если не найдёт, когда забудет про своё сокровище — завтра? через три дня? через неделю?

— Женщина! — окликнула, обгоняя её, мамочка с коляской. — У вас сумка расстёгнута!

И точно, вся сумочная внутренность была как на ладони: и пудреница, и журнал «Пища как лекарство», а главное — кошелёк! Опять пришлось останавливаться, отходить в сторонку, дёргать капризную молнию. В конце концов журнал вывалился в траву. Наклонилась поднять, и тут ей бросилось в глаза что-то нежно-фиолетовое, неестественное на фоне зелени, вроде тюбика помады. Но оказалось — маленький фонарик.

Тот самый! — сразу догадалась она. Вот хозяйин-то обрадуется! И, хоть на нетвёрдых ногах, всё же решила повернуть обратно.

Однако, миновав несколько домов, обнаружила, что не помнит, где именно встретила мальчишку. Пошла помедленнее, приглядываясь к детворе во дворах. Детей по тёплому весеннему времени было полно, но все не те: попадались девчонки, мальчишки-школьники или совсем карапузы. Наконец встретился очень похожий, но теперь он — или не он? — мчался на самокате и, пролетая мимо, так завопил:

— Дорогу! Дар-рогу!!! — что Татьяна отшатнулась.

Самокат свернул за угол. И что теперь — гнаться за ним?! Она сердито качнула головой и, повернувшись, окончательно двинулась домой.

В собственном дворе Татьяна обычно старалась не смотреть по сторонам. Поскольку это давно уже был не двор, а автостоянка. Ни тебе деревьев, ни весёлого газончика, ни единой скамейки — всё машины, машины, и только у самого дома — узенькая клумба, и даже не клумба, а так, заросший травой остаток.

Но в этот раз, лавируя между капотами и багажниками, она подняла голову и даже вздрогнула: сквозь заднее стекло какой-то машины на неё смотрела плюшевая собачка. Такая беленькая, хорошенькая собачка, и так весело смотрела! И почему-то вспомнилось, как в детстве папин друг, владелец невиданного в те годы сокровища — небесно-голубой машины «Москвич», — однажды пригасил их в выходной за город, к речке. И они

сели и вдруг поехали в невиданные места — с терпким вольным запахом воды и совсем другими, чем в городе, деревьями на берегу: они и шелестели совсем по-другому! А вокруг — глазам не верилось — ни заборов, ни домов, ни людей, а только ленивая серебристая река в зелёных берегах и небо. Здесь можно было бегать сколько хочешь, ловить огромных стрекоз, подходить к самой воде, видеть шустрые стайки рыбёшек и бросать им кусочки хлеба! И обед на расстеленном одеяле — бутерброды и чай из термоса — был в сто раз вкуснее, чем дома! А взрослые разговаривали такими весёлыми, беззаботными голосами, папа всё шутил, и мама смеялась звонко, как девчонка. Но самый волшебный миг был, конечно, всё-таки первый: опуститься на упругие сиденья, захлопнуть дверцы — и тронуться напрямиком в неизведанное...

А ведь сейчас это волшебство перемещения так доступно, так просто — и взрослым, и детям! И ей в том числе. Ни зять, ни сын не отказывают, возят её то на рынок, то в гипермаркет. Только вот куда пропала та давняя радость, то ощущение нового пространства? В какой глубине души притаилась? Или это привычка делает людей бесчувственными?

Будто в подтверждение, из подъезда vyšли хмурые муж с женой и, не глядя по сторонам, уселись в свой белый автомобиль. Татьяна вдруг захотелось крикнуть им: «Ну вы, счастливики! Да почувствуйте же своё счастье!» И, как будто дожидаясь ответа, она даже остановилась на секунду у подъезда. Но машина буднично заурчала и тронулась с места.

В подъезде, как всегда, лампочка горела лишь на третьем этаже. В полутьме Татьяна заметила в сумке слабый свет: горел фонарик. Оказалось, выключатель у него был проблемный, кнопка работала с третьего раза. И зачем он ей такой, спрашивается? Разве что всё-таки встретится тот мальчишка... Ладно, пускай пока валяется в сумке, решила. И, наконец достигнув квартиры, принялась готовить. На ужин была запланирована запеканка с тыквой. Она споро покрошила весёлый оранжевый тыквенный ломтик, размешала в миске творог с манкой, добавила яйцо. Включив духовку, выглянула в окно, ещё раз оглядела двор: всё как всегда, никаких таких чудес на колёсах, только беспорядочная толпа машин. И почему-то ей стало досадно, непонятно на кого.

Хотя что тут непонятно? На мужа! Которому давным-давно пора быть дома. Цех-то уже часа два как закрылся. А этого где носит, спрашивается? Впрочем, ясно где: на даче! Эта дача для него — свет в окошке. Схватил по дешёвке голый кусок земли, соблазнился! Развлечение на старости лет: после работы трястись в автобусной давке за город, да от трассы километра два, а там копать-полоть — начать да кончить! Попробовала было и она ездить с ним в выходные, понадрывалась,

пока не сообразила: этак здоровье можно запросто угробить! Дети вот не ездят и правильно делают.

И ведь ни словом не обмолвился, что поедет. Будто школьник, сбежал по-тихому! Позвонить самой? Ну уж нет, много чести. Вот вернётся, тогда и услышит что заслужил.

Но странно: собственные мысли, вроде бы такие правильные, не приносили облегчения и привычного чувства решённой задачи. В школе Татьяна неплохо решала задачки, даже подумывала пойти на математический. И хоть не пошла, но чёткость и логику всю жизнь ценила.

Запеканка вышла и душистая, и румяная, а вот есть почему-то не хотелось. Мальчишка, что ли, перебил аппетит? Включила было телевизор, поискала по каналам — ничего интересного. Намочила салфетку, прошла по комнате, смахнула кое-где скопившуюся пыль. Заодно протёрла фонарик. Тот засиял как новенький, даже кнопка перестала заедать.

«Пойти ещё прогуляться?» — мелькнула дурацкая мысль, будто и не нагулялась сегодня до дрожи в ногах. Но эти самые ноги теперь стояли у двери, причём уже в туфлях. Что за вечер выдался? — только и оставалось ей удивиться, спускаясь по лестнице.

На улице уже темнело. Вот и фонарик кстати, вспомнила Татьяна и удовлетворённо пощёлкала кнопкой. Та работала исправно. Но света вокруг было и так достаточно: сияли неоновые вывески кафе и аптеки, светились окна парикмахерской, и магазины ещё не собирались закрываться — сплошная иллюминация! Татьяна даже заглянула в один, где поперёк витрины извещалось крупно: «Всё по 450».

— А я всё думаю: когда ж вы ко мне зайдёте? — вдруг услышала она и не сразу поняла, к кому обращаются.

Оказалось — к ней! Полная смуглая продавщица в нарядно-чёрном улыбалась, блестя глазами, кольцами, цепочками, стразами на платье.

— Вот каждый раз, как идёте мимо, всё хочу остановить. Прямо видеть не могу: женщина симпатичная, с хорошей фигурой, а одевается как бабка! Ну-ка, давайте сюда! Да не волнуйтесь, покупать не заставляю — примерьте просто. За погляд денег не беру!

«Цыганка!» — догадалась Татьяна и усмехнулась понимающе. Она эти приёмчики наизусть знала. И уж за свой-то внешний вид была спокойна. Зашла от нечего делать, просто потешить глаз. Двинулась неспешно вдоль ряда с блузками, останавливаясь, приглядываясь, щупая материал. Продавщица выдернула какой-то жёлтый балахон с сетчатыми карманам, принялась вертеть так и этак. Татьяна на всякий случай покрепче прижала сумку.

— Вот, примерьте! Не носили такого? Напрасно!

И вдруг подступила вплотную, перегородила дорогу — Татьяна даже опешила.

— Я чего тебя позвала, — взялась она горячей рукой за Татьянанин локоть. И та увидела в изумлении: на губах её ещё дрожит улыбка, а глаза наливаются слезами! — Ты на подружку мою похожа, со школы ещё, мы с ней как сёстры были. Друг друга так понимали — даже слов не надо было. А иногда говорим, говорим, наговориться не можем, а разойдёмся по домам — и потом ещё полночи по телефону! И вот взяла и за границу уехала, в Черногорию. Муж её там работу нашёл. Половину души моей вынула, веришь? Говорит, это недалеко, две тыщи километров! Говорит, будем по скайпу общаться. А я этот скайп не понимаю. Вот у тебя есть скайп?

Татьяна, глядя во все глаза, качнула головой. — И правильно! — страстно воскликнула себе-седница. — Электронному ящику всё разве расскажешь? А я ей такое говорила, что сама от себя скрывала, веришь? Знала, что она — никому! Тайну умела беречь. Понимала. И ты такая же, я вижу! Первый раз тебя увидела — прямо обомлела: идёт моя Светлана! Я людей с одного взгляда определяю, веришь? А у тебя глаза такие же, — она прищурилась, всматриваясь Татьяна прямо в лицо — та даже попятилась немного. — Слушай, пойдём, в примерочной кофеварка есть, посидим... Ой, подожди, отвечу только...

В руке у неё очутился игриво попискивающий телефон. Она затараторила деловито:

— Да! Сколько? Почём? А размеры? Нет, не беру. Не-не, счас такое не пойдёт! Лето же скоро!

Татьяна стояла как пригвождённая, слушала, чего-то покорно ждала. Потом опомнилась: да это же цыганские штучки! Разговоры душевные, взгляд со слезой, чуть не обниматься лезет, а потом или дрянь какую-нибудь впарит, или кошелька не найдётся! Быстро на ощупь проверила — в сумке всё цело, кошелёк на месте, только у фонарика опять кнопку заело. Но со второго раза погасила. — Перезвоню! — закончила цыганка разговор и сунула телефон в карман.

И уставилась на Татьяну с совершенно другим, дежурно-любезным выражением.

— Выбрали что-то, женщина? Ну, посмотрите. Только быстренько, а то скоро закрываться буду. Вообще лучше на той неделе зайдите, хорошее поступление будет, и для дам вашего возраста. Подберём для вас!

Татьяна смотрела во все глаза.

Эта продавщица сумасшедшая?

Больная на голову?

Или шутит так?

— Но вы же вроде хотели... ну, рассказать что-то... личное.

— В смысле — личное?

Продавщица выпрямилась и смотрела уже без улыбки, сверху вниз.

— Ну как... Сами же сказали... что-то личное, вроде тайна какая-то... поделиться хотели,— дальше у Татьяны сквало язык.

— В смысле — поделиться?! Не поняла!

Глаза её свернули гневом. Теперь она напоминала не цыганку — грозную султаншу.

— Ну, может... э-э... это я вас не так поняла? — Татьяна отступала. Взгляд продавщицы теснил её. — Видимо, да. Совсем неправильно!

Съёжившись, Татьяна повернулась и нырнула в дверь.

И почти побежала по улице. Потом спохватилась и замедлила шаг, отдышалась. Оглянулась — никто её не преследует.

Это что же творится, люди добрые?!

Надо собраться. Она прокашлялась, выпрямилась. Свернула за угол к дому и... погрузилась в темноту. Разом пропали дома, окна, вывески. Только машины сверкали фарами, несясь по дороге.

Ну и чего тут пугаться? Подумаешь, отключили свет. Поломка на линии, только и всего. Починят! — мысленно твердила она.

Однако дрожащая рука уже лезла в сумку за телефоном. Позвонить детям! Просто так. Спросить... сказать... Пусть приедут! Ей нужно их увидеть. Прямо сейчас же!

Но как сказать?

«Сегодня тяжёлый день»? «Познакомилась с одной сумасшедшей»? «Мне страшно в темноте»?

Но ведь она никогда не... плакалась. Она достойная женщина. Она сильная женщина. Такой её все знают. Уважают. Доверяют.

Рука нащупала... нет, не телефон — фонарик.

Правильно! У неё же есть фонарик!

И вот золотистый лучик пронизал темноту... вернул знакомую стену... куст китайской розы... подъезд... и фигуру поспешно шагающего мужчины... её мужа!

Татьяна бросилась навстречу. Схватила за руку. Муж отпрянул от неожиданности.

— Тань... ты? Случилось что?

— Ничего, ничего! — она замотала головой.

И вдруг обняла его.

Откуда этот запах? От него почему-то всегда пахло родниковой свежестью. Она никогда не говорила ему, но, обнимая, всегда вдыхала. Были молодыми — обнимались то и дело. Встречала с работы — обнимала и целовала. А ещё любила провоять мужа до троллейбусной остановки. Он уходил рано, в половине седьмого, дети ещё спали. И они, молодые, стремительные, легко шагали вдоль свободной ещё дороги и говорили, рассуждали, строили планы, и весь мир вокруг, как раннее утро, был весёлым, любопытным и многообещающим.

И ведь недавно она, помнится, злилась на него. Да разве можно на него злиться? Вместо того чтобы просто обняться!

Муж обхватил её руками, слегка похлопал по спине — отвык от нежностей.

— Ну тогда... пойдём домой?

Отобрал сумку.

— Ты фонарик купила?

— Нашла! — засмеялась она. — Сейчас расскажу — не поверишь... А у нас сегодня запеканка. Проголодался?

И с забытым проворством почти побежала вперёд. Ей так захотелось поесть запеканки — на своей уютной кухне, сидя напротив мужа! А потом пить чай, болтать о пустяках, что-то обсуждать — ну хоть любимую передачу «Давай поженимся». Можно даже политику и государственные проблемы, почему-то вечно волнующие мужа. А потом мечтать, строить планы — почему бы и нет? — например, о том, как...

На этом месте мысль забуксовала, и она остановилась — устала. Оглянулась — муж стоит на прежнем месте.

— Ну чего копаешься? — прикрикнула.

И опять навалилось всё раздражение этого нелепого, необъяснимого дня.

— Да кнопка застряла, — виновато отозвался он из темноты. — Еле выключил. Разобрать бы надо...

— Ужинать тебе давно надо! — она моментально вышла из себя. Вспомнились все обиды сразу. — И домой возвращаться после работы. Как все нормальные люди!

Муж вздохнул и молча зашагал к подъезду.

Ели молча, думая каждый о своём. Потом он, как обычно, уснул на диване перед телевизором. Когда захрапел, она потрясла его за плечо — перебраться в спальню. А самой ещё долго не спалось.

...Осенило её среди ночи.

Такое с ней бывало — проснуться с готовой идеей. Как будто решила во сне трудную задачку — и вот он, долгожданный ответ!

Похоже, фонарь и вправду волшебный! Когда он включается — начинается *другое!*

Или... это никакой не ответ, а ночной бред?

Но ведь сколько раз он загорался — столько всё виделось по-другому!

Выходит, не бред?!

Проверить бы...

Тихонько, осторожно она выбралась из кровати и в два шага очутилась в кухне. Включила свет. Фонарик лежал в ящике стола, маленький и холодный, — никому не нужная детская игрушка, неуместная рядом с надменно блестящими вилками и ножами.

Решившись, она схватила его, нажала кнопку.

Если и впрямь волшебный — пусть явит чудо!

Но не тут-то было. Теперь он не желал включаться.

«Пожалуйста! — мысленно взмолилась она. — Яви, ну яви же! Ну хоть малюсенькое!»

Тишина. Никакого чуда. Кнопка не действовала. Фонарик не желал подчиняться.

Издевался над ней?!

Яростно нажала её раз. И ещё. Без толку...

И что только в голову ей пришло в четвёртом часу ночи?!

Бред, отчётливо прозвучало внутри.

Старческие бредни. Маразм.

Маразм?!

Мысль ударила как током.

Она схватила проклятую штучку, столько нервов стоившую ей в эти сутки.

Ну, ладно же!

Она выбросит его. Вышвырнет из окна. Нет, прежде сломает, а потом вышвырнет. Лишит возможности ещё кому-то дёргать нервы.

Она яростно нажала на оба конца, сиюсья переломить цилиндрик.

Тот не поддавался. Или руки скользили?

Схватила кухонное полотенце. Попыталась ещё раз, изо всех сил. Не получилось!

Фонарик выскользнул из ткани, глухо стукнулся в коврик на полу—и вдруг затеплился желтоватой лужицей света. Татьяна остановилась. Мысли сбились. Постояла, подняла осторожно, повертела в руках.

Что это с ней сейчас было? С ней, нормальным человеком, из-за ничтожной вещицы, к тому же со сломанным выключателем?

Видели бы люди!

Надо прийти в себя. Выпить валерьянки. Просто такой выдался день. Может, магнитная буря. Или даже геомагнитный шторм. Она читала, такое бывает. И влияет на людей: нервы, раздражительность, бессонница. Как раз её случай.

Может, разбудить мужа, рассказать ему? Но что именно рассказать, какими словами?

И чем, в конце концов, виноват этот фонарик—что показывает *другую* жизнь? Которая могла бы стать её жизнью?

При этом *другая* жизнь может начаться, а может и не начаться. Выключатель-то сломан!

То есть её судьба—зависит от сломанной кнопки? Включится—и пожалуйста тебе: всеобщее внимание, и симпатия, и радужные краски вокруг, и даже забытая... ну да, забытая любовь?! А не включится—значит, прозябать и дальше? Покорно стареть? Доживать свою пресную жизнь?!

Это ей-то, Татьяна! Которая всегда жила ярко, насыщенно, была на виду! К которой прислушивались!

И как быстро, как незаметно всё ускользнуло...

Что же делать? И кто виноват во всём?

Где-то она встречала вот именно эти вопросы...

Кто-то уже ими, кажется, мучился...

Послышались шаги. Муж проснулся, шёл в сторону уборной. Заглянул сонный, спросил:

— Не спишь?

Она промычала что-то неопределённо-успокоительное.

...И что будет потом?

Не потом, а теперь, подумалось. Или слышалось внутри. В этот день и ночь многое было непривычно, странно. То ли думалось, то ли слышалось.

Но эта другая, новая—или всё-таки старая?—жизнь, освещённая фонариком, была так хороша! Или так забыто хороша?

Наверное, к ней можно как-то приблизиться, пробиться. Только она забыла как.

Как же?!

Придётся заново учиться... учиться жить, вот что—продолжалась мысль, словно подводя её к решению. Ответ уже брезжил, и думалось более спокойно, не так лихорадочно. (Наверное, мозг всё-таки начинал дремать. Сказывалось утомление.)

А учиться, между прочим, никогда не поздно. Это тоже кто-то умный сказал.

Надо бы ей поучиться, да... никогда не поздно... А чему именно?

Говорить... думать... смотреть вокруг...

— А помнишь, мы с тобой учить язык хотели?—вдруг, выпрямившись, во весь голос спросила Татьяна на сторону спальни.—Ну, чтобы путешествовать... Ещё рассуждали, какой лучше—английский или французский... Помнишь?

И спохватилась с опозданием: вдруг человек уже уснул?

Но он отозвался сразу, хоть и сонно:

— Ну, помню... Ох, ты меня и задалбывала... Ну хочешь—можно опять учить.

И ей было почему-то приятно, успокоительно это слышать. Как будто ей открыли путь, махнув зелёным флажком: «Можно!»

— Я ж французский уже начала! А сейчас забыла всё,—пожаловалась она.—Тетрадку потеряла... — Ну... найдёшь тетрадку,—пробурчал он.—Или новую...

Всё-таки его утягивало в сон. Человек нарабатался, и организм властно требовал компенсации. Он выполнил намеченное на день. А она, Татьяна,—нет. Брошенные дела, как нерешённые задачи, укоряюще маячили где-то рядом, не давая погрузиться в блаженное забытьё.

Надо было всё-таки найти мальчишку... Может, расспросить дядюшку во дворах? А вдруг он вовсе не спит сейчас, а плачет в подушку? Да, прямо завтра пойти туда и найти... Представить только его глаза, когда увидит своё сокровище...

И ещё этот кусочек клумбы—навести бы там порядок. Разве нельзя выделить полчаса в день? Посадить, например, лилии, тигровые, яркие... Или юкку—остролистую, пышную, как зелёный салют. Если обрезать снизу—она станет похожа на маленькую пальму. Поливать через день. И будет совсем другой вид во дворе!

Может, даже та хмурая пара однажды останется полюбоваться. Посмотрят-посмотрят, а потом глянут друг на друга и улыбнутся...

А продавщица, у которой подруга уехала? Нет, тут не разобраться на усталую голову. Может, просто пройти как-нибудь мимо: захочет — заговорит сама...

А ещё, конечно, надо мужу на даче помогать. Хотя понемножку... Что это она свалила всё на одного? И веселее вместе. Там тоже цветы посадить, какие-нибудь необычные... Жаль, орхидеи — цветы не дачные, не приживутся. Ей нравились орхидея фаленопсис, орхидея стангопея...

И вдруг она вспомнила! И воскликнула в полный голос в сторону спальни:

— «Стаг»! По-французски «стаг» — это «стадион»! Слушай, я на стадион хочу, сто лет не была! Давай как-нибудь вместе сходим?

Ответа не было. Но она и не ждала — просто представляла себе нагретые солнцем трибуны, и чистый вольный ветер, и фигурки спортсменов внизу, на ярко-зелёном футбольном поле, на тёмно-серой беговой дорожке, вокруг ямы с жёлто-коричневым песком. Они жили единой, особенной спортивной жизнью, но у каждого были свои отдельные движения, свои упражнения, свой ритм. И каждый упорно шёл к своей собственной отдельной цели, шёл, упорно преодолевая лень, сомнения и невзгоды.

И вместе с этой воображаемой картиной наконец-то наступила блаженная усталость, как после правильного, нужного дела. Видно, в эту ночь нужным делом были непривычные задачи: не математические и даже не очень-то практические, а как бы немного волшебные.

Но при этом очень, очень нужные. Просто совершенно необходимые.

Совпадение

Ни на какое дело он не собирался — сто лет как завязал.

Давным-давно, едва откинулся, сразу переехал. Родителей уже не было в живых, а больше ничто его не держало. Так что все связи разорвал и начал жить, как писали в стенгазетах, с чистого листа.

Устроился на работу, вкалывал от звонка до звонка — сначала на заводе, потом на ОАО, что осталось от завода. Платили регулярно, с распросами не лезли, в кенты никто особо не набивался — чувствовали зону отчуждения. И вообще — зону. Его устраивало. Не тянуло ни в весёлые компании, ни в пустой трёп, да и видел слишком ясно: этот пыжится, строит из себя авторитета, те двое рядом — шныри-подхалимы, прочие — мужики колхозные. Скука, словом.

С женщинами, бывало, знакомился, сходил, не без того. Но к себе никогда не водил — это

установил железно. И вообще давал понять, где чьё место. Ну а с возрастом и само собой отошло.

Была у него главная цель: своё жильё. Несколькое лет прошло, пока добился. Ещё пара-тройка — пока обустроивался. Капитальная дверь. На окнах решётки. Зато теперь вечерами, переступив порог, всякий раз на секунду замирал, прямо-таки кожей ощущая: моё. Собственное.

На пенсию уходил спокойно — знал, что проживёт. А надо будет — найдёт где зашабашить. Руки всегда были как надо приставлены. Так что заслуженного отдыха, можно сказать, ждал как дополнительной свободы.

Не ожидал одного: что... затоскует, что ли. Оказалось, гремучий цех с мутными окнами и постылый трёп — политика, олигархи, бабы, бабы, олигархи, политика — для чего-то были нужны. А без них, оказалось, чего-то недостаёт. И в голову лезут дурацкие, сроду неведомые вопросы: «Зачем?», «Кому?» и «Что дальше?». Бывало, шабашил — ездил за город, косил траву на дачах. Заказчики жили в городе, землёй не занимались, просто держали как валюту в банке. Он этого не понимал. На соседних дачах жили другие. Он смотрел на этих других: как суетятся, ковыряются в земле, вечно в грязи, в раздолбанных галошах, на солнцепёке. Этим тоже не понимал. И хотя порой тянуло поговорить, так ни с кем и не познакомился. И, закончив работу, опять тосковал.

Он сам себе изумлялся. Раздумывал: с чего бы? Бродил по улицам, словно искал что-то. Выучил наизусть все ближайшие дворы, все соседские привычки: кто с кем сплетничает на скамейках, у кого какая собака, в каком окне скандалят муж с женой. Некоторые физиономии примелькались до тошноты.

И среди них эта старуха с седыми кудельками. Похоже, одинокая. Одета невразумительно. Палочка, очки. Блаженная улыбочка. Гладит кошек, крошит хлеб голубям. Бредёт себе, останавливается цветком полюбоваться. А один раз заметил: стоит возле дерева, задрав голову, будто окаменела. Присмотрелся: оказалось, на нижней ветке птица сидит, чёрненькая, вроде скворца. И поёт. Прямотаки разливаются трелями, с переливами, словно концерт даёт для единственной слушательницы.

Он приостановился. Старуха, конечно, не заметила, вся в слух ушла, а пернатый его засёк: перепорхнул на всякий случай повыше. Однако арию свою не прервал — допел до конца и только потом, прошуршав крыльями и листьями, удалился за кулисы.

Старуха так и осталась стоять, будто надеясь на продолжение после антракта. А он, усмехнувшись, двинулся было дальше... и в последний момент заметил их.

Бриллианты!

В старухиных ушах.

Сначала даже не поверил сам себе. Решил: мерещится. Да ведь глаз-то наметан! Проморгался, присмотрелся—они... брюлики.

Удивился сильно. Даже пришло в голову: не подпольная ли миллионерша? Доводилось от бывалых людей слышать про таких. Но, понаблюдав, отверг мысль—уж слишком простодырая бабка.

Решил убедиться ещё раз. Дождался момента—носила она их не каждый день, не брезговала и дешёвыми побрякушками—и встал следом за ней в магазине.

И убедился точно: натуральные старинные бриллианты, оправа добротная, сейчас таких не делают.

Ну и сама собой родилась эта мысль. Привязалась не на шутку. Не то чтобы от нужды или жадности, а чисто спортивный интерес, что ли...

И главное, до чего гладко всё складывалось—он сам поразился! В подъезде домофон вечно поломан, дверь хиленькая, замок допотопный, да в придачу первый этаж. Будто сама судьба дорожку проложила. Он даже просчитал, где она их хранит: аккуратно напротив окна, на комод, в резной деревянной шкатулочке.

Одно он не мог взять в толк: как раньше-то никто не заинтересовался? Хотя кто тут в бриллиантах понимает, в старом, сто лет не отремонтированном доме?.. Да и, глядя на неё, кому в голову придёт заподозрить драгоценности под жалкими седыми кудельками?

Продала бы, глупая, размышлял он. Дверь бы приличную поставила, какой-никакой ремонтик затеяла... Так нет, небось, бережёт память мамыши или любимой тётушки. Такие вот именно вечно с памятью носятся.

В общем, не иначе—вот именно его-то и дожидались камушки.

Судьба. И фарт.

А может, просто аукнулось прошлое. И, опять же, плохо лежит. Ну и просто скука, понятно. Одиночество. Однообразие.

По утрам она совершала первый выход—в ближайший «Магнит». Шествовала не спеша, покупала какую-нибудь ерунду—сумка и на обратном пути выглядела такой же тощей. Небось, больше болтала с продавщицей или кассиршей, вообще любила почесать языком: с соседкой, с уборщицей, со всеми собачниками. Иногда на обратном пути заглядывала в аптеку. В общем, на магазин уходило у неё почти два часа, причём одни и те же: девять—одиннадцать. Очень удобно.

Так что в назначенный день потребовалось всего-навсего вовремя прибыть.

Ещё издалека он засёк знакомую фигурку в невразумительно-пёстром платье. Незаметно приблизился, убедился: без серёг! Приостановился, выжидая, пока старуха скроется за поворотом. Для верности дождался ещё возвращения старика

с мелким скандальным псом—дед тоже выгуливал питомца об эту пору. Удачно, что со старухой они разминулись, не остановились обсуждать погоду и собачкино здоровье.

Домофон, как обычно, не работал, подъездная дверь подпёрта кирпичом. Как по заказу! Лестничка в пять ступенек, один шаг к допотопной старухиной двери, перчатки на руки, лёгкое движение отмычкой—и вот он уже в её квартире...

Комнатушка, естественно, убогая. Старый комод, древний буфет, стол посередине, занавески в цветочек...

Сначала он задвинул эти занавески, а уж потом направился к комоду. Шкатулка, конечно, не заперлась. И серьги—да! да!—поджидали его внутри, слегка мерца. Как будто дружелюбно подмигивая. Ровно секунду он помедлил, глядявываясь,—и вот уже приятная тяжесть холодила ладонь.

Дальше всё было ясно: прикрыть шкатулку, три шага до двери, ещё два к лестничке—и...

В допотопной двери вдруг заскрежетало.

Он не поверил ушам: там явно возился ключ!

Старуха вернулась через десять минут?!

Он растерялся. Даже вспотел враз, и сердце забилось. И в ту же секунду в глаза прямо-таки выстрелил потрепанный бурый кошелёк на столе.

Старуха забыла кошелёк!

Тут-то и кончился фарт.

И не потому, что не заметил проклятый лопатник. Просто тело ни с того ни с сего перестало слушаться. Утратило сноровку? Или просто—догнала старость-не-радость?

Вместо того чтобы, рванув старый шпингалет, одним прыжком махнуть в окно,—первый этаж, полтора метра до земли!—он затоптался на месте, заозирался—и дождался-таки хозяйки! Она уже топала по коридорчику.

Идиот!

Успел, правда, заметить длинную узкую вазу на столе. Схватить, пока она не опомнилась, ударить—не сильно, только оглушить, меру он всегда чувствовал—и опять-таки в окно...

Но и этого не успел.

В конце концов—позор!—он, как пацан, нырнул под стол. Старая, близорукая—может, не заметит? И перестал дышать.

Но старая и близорукая вдруг сдавленно пискнула:

—Вася!

Уронила сумку, простёрла руки к столу—и снова:

—Васенька! А я тебя вижу!

После чего ни с того ни с сего затряслась и зарыдала.

Он окаменел в нелепой полусогнутой позе. Рот сам собой приоткрылся. Мысли разбежались. Интуиция молчала. И весь хваленый опыт безмолвствовал.

А старушка, всё так же вытянув руки, неверным шагом двинулась вокруг стола—к нему.

Но на полпути у неё, похоже, подкосились ноги, и она, кое-как нащупав стул, рухнула на него. Тяжело дыша и не отрывая от него слёзно-жалобного взгляда.

Тут у него наконец родилась ясная и определённая мысль: «Чокнутая!»

И старуха немедленно её подтвердила. Вскрикнула дребезжащим голосом:

— Дождалась! Вернулся!

Натужным рывком оторвалась от своего стула и шагнула прямо к нему. Он не ожидал. Попятился, отступая в сторону окна, но поздно: в следующую секунду она реально висела у него на шее! Сжимала его дрожащими ручками и прижималась мокрым лицом. И при этом бормотала какой-то бред:

— Братик... Пропащая душа... Всё-таки вернулся! Как обещал!

Ему вдруг стало... плоховато. Даже немного закружилась голова. Он вообще с трудом переносил чужие прикосновения. Машинально дёрнулся к окну, рванул шпингалет, распахнул раму—не убежать, а просто освободиться, вдохнуть воздуха. Старуха отшатнулась, но не перестала голосить: — Постарел, польсел... Да ведь сколько лет прошло—сорок, что ли? Но узнать можно, можно! А ты меня-то узнаёшь, Васенька? Братик! А я верила, всегда верила, что вернёшься! Обещал же: заходишь ты, Анютка, домой, а я тебя там поджидаю! И вот нашёл меня... Не зря мамочка говорила: Васька у нас упрямый, что решил—то сделает! Не пропадёт, дождёмся! Сама-то не дождалась... а я вот сподобилась!

И она опять схватила его руку.

Он опирался на подоконник, тяжело дыша. Сердце стучало. Точно, старость, подумалось мельком. В этой комнатухе, рядом с этой старухой он не мог соображать, не мог придумать, как выпутаться из её сумасшедших фантазий, из этих слабых сморщенных ручек. И не мог выдать ни слова.

Может, это наказание такое?—пришло вдруг в голову. За слабость. Соблазнился камушками, как мальчик. А что эти камушки? Ну, толкнуть по-быстрому или в ломбард сдать—и что дальше? Иномарка? Царские палаты? Ещё одна новенькая, с нуля, жизнь?

Старый козёл!

И что теперь делать с этой чокнутой?!

Неожиданно стало легче: это старуха отпустила руку, застучала дверцами буфета, выставив какие-то чашки, мисочки с вареньем, кулёк с сушками...

Он следил за ней глазами—а что ещё оставалось?—и на мгновение, на сотую долю секунды вдруг почудилось: он и впрямь узнаёт вот эту суетливую походку, и старческое залитое слезами лицо, и дрожащий голос...

Бред!

Глюки!!!

Дожился, нечего сказать...

Да будь у него сестра, разве так бы сложилась жизнь?!

Тем временем она метнулась в кухню, загремела чайником. Полилась вода из крана.

И он понял: это реальный шанс!

И явно последний.

Одно резкое движение, упор о подоконник, прыжок—и он растворится в пространстве. И больше в жизни не попадётся ей на глаза. Он это умеет.

Но сердце стучало так, что стало понятно—никакого резкого движения не выйдет. Выйдет только шагнуть назад и боком опуститься на тот самый стул.

— Да ты меня не узнаёшь, что ли, Вася? Анютку свою, сестричку! Ещё в детстве Нюсей звал. Забыл? Теперь-то, конечно, не та... А вот я тебя, Васенька, сразу узнала!

Голос её уже не дрожал, а звенел. Мелкими шажочками она семеняла вокруг, словно приплясывая. Слёзы враз высохли, и даже морщины как будто разгладились. И близорукие глаза теперь сияли.

— Это ничего, что жизнь так сложилась. По юности с кем не бывает! Плохая компания, подбили на дурное дело... папа сильно сокрушался, что тебя не удержал. И мамочка всё говорила: виноваты, не досмотрели! И я тоже, всё-таки старшая сестра... Но главное, ты же встал на путь исправления, да?

Он вдруг спохватился, что кивает в такт её речи.

Она как будто... дирижировала им!

И он... подчинился?!

— Ну вот! Как и обещал, и писал из колонии... Ну конечно, когда потом столько лет молчал, не отзывался, мы разное думали. Но я всегда верила: рано или поздно ты опомнишься, выправишься! Ведь обещал. Внутренний-то стержень у тебя хороший, настоящий. Это и папа говорил. И душа добрая! Мамочка всё вспоминала, как ты собачек домой приводил. Я-то кошек больше привечала...

— Кошки людей не могут любить. А собаки могут!—ни с того ни с сего брякнул он.

— Вот опять ты за своё!—залилась она счастливым смехом.—Ой! Да что же это я—чаем тебя... У меня же котлеты в холодильнике! Куриные! Ты ж голодный, Васенька, да? Будешь котлетки?

Он пытался собраться с мыслями. Но возле неё они как-то разбегались. Он сам себя не узнавал. Еле выдавил:

— Да я, Анюта, понимаешь...

— Всё! Всё понимаю, Васенька!—подхватила она радостно.—Кто ж тебя поймёт, как не я? Вот сядем за стол, как раньше, и всё-всё мне расскажешь...

И опять наладилась в кухню.

— Я что сказать хочу... По паспорту-то я не Василий,—наконец договорил он, глядя ей в спину.

— Не Василий? — слегка удивилась она, поворачиваясь. Всмотрелась было в него, но тут же махнула рукой: — Ну, это дело твоё! У меня вот соседка была Поля — тоже стала Алевтина. Но для меня-то ты всё равно Васенька! Родимый братик! Кровиночка! Ну пойдём, пойдём, хоть покушаешь по-человечески!

Не переставая щебетать, она тянула его в тесненькую кухню, к шаткому столу.

— Ну надо же! А мне ещё сон третьего дня такой хороший приснился! Вроде веду я тебя, маленького, к речке, а ты воды боишься, упираешься, и сзади мамочка идёт, смеётся...

Тарелка с котлетами уже дымилась перед ним.

— Спасибо... тебе, — с усилием выговорил он.

— На здоровье! Долгожданный ты мой! — счастливо всхлипнула она. — Ну, не буду обниматься,

не буду! Помню, что не любишь... Ой, если б знать! Я бы яблочный пирог... Запеканку, как мамочка делала... Ну, завтра сготовлю! Нам же теперь спешить некуда! Мы с тобой теперь только и жить начнём, да, Васенька?

Он с усилием кивнул. В горле стоял ком.

Наконец продышался. Откусил от котлеты. Медленно прожевал. Вкус был отчётливо знакомый.

— Тебе дверь бы сменить, Нюся, — сказал скрипучим голосом. — Ну, это я сам займусь...

Потом спохватился:

— Руки не помыл! Ванна там у тебя?

Как мог бесшумно скользнул в комнату.

И лёгким, ловким, неуловимым глазу движением вернул серьги в шкатулку.